

Научная статья
УДК 821.131.1: 94.450
doi: 10.17223/15617793/510/2

Образы Италии конца XV – начала XVI в. в сочинениях Макиавелли

Марина Игоревна Дмитриева¹, Кирилл Владимирович Павлов²

^{1, 2} Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹ m.dmitrieva@spbu.ru

² st055536@student.spbu.ru

Аннотация. Рассматриваются образы Италии в трех сочинениях знаменитого флорентинца: в поэме «Десятилетия», а также в комедиях «Мандрагора» и «Клиция». Для решения задач исследования был применен комплексный междисциплинарный подход, позволивший сделать выводы о влиянии политико-дипломатической практики Макиавелли на его литературное творчество, о представлениях Макиавелли относительно начального периода Итальянских войн (1494–1509) как идейной базы, прослеживаемой в сочинениях писателя-гуманиста на протяжении всего его литературного творчества.

Ключевые слова: образы Италии, Макиавелли, литературное наследие, «Десятилетия», Мандрагора, Клиция

Для цитирования: Дмитриева М.И., Павлов К.В. Образы Италии конца XV – начала XVI в. в сочинениях Макиавелли // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 510. С. 16–29. doi: 10.17223/15617793/510/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/510/2

Images of Italy of the late 15th – early 16th centuries in the literary works of Machiavelli

Marina I. Dmitrieva¹, Kirill V. Pavlov²

^{1, 2} Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

¹ m.dmitrieva@spbu.ru

² st055536@student.spbu.ru

Abstract. The research is aimed to explore the images of Italy in the literary works of Niccolò Machiavelli, a Florentine diplomat and writer of the era of the first decades of the Italian Wars (1494–1559), of which he was a witness and participant. The authors of the article focused on three works of Machiavelli: his diplomatic poem in two parts "Decade" ("Decennali"), as well as the comedies "La Mandragola" and "La Clizia", the choice of which was due to the similar genres and ideology of these works affecting the fate of Italy. To implement the research objectives, a comprehensive interdisciplinary approach was used, combining methods of historical research (cultural-historical, comparative-historical, historical-genetic methods), as well as methods of literary analysis (structural-descriptive, comparative). The main approaches to learning the heritage of the humanist in historiography were analyzed; the specificity of the images of Italy in these literary works of Machiavelli was revealed; the degree of content and ideological similarity of the works was determined. A historiography review showed the presence of many approaches and assessments, among which the authors of the article emphasize the point of view of the modern Italian researcher R. Brusca, with his idea of Machiavelli as the heir to the creative spirit of Florence during the time of Lorenzo the Magnificent, and supplement it with their own conclusions. The analysis of the poem "Decades", written during Machiavelli's real diplomatic activity, showed that the main reason for the outbreak of the Italian Wars, in his opinion, was the disunity of the Italian states, their orientation toward external forces (France, Empire, Spain) and their unwillingness to unite. Machiavelli "painted" the image of a divided Italy, which was in trouble at the behest of the Duke of Milan, and ironically described his native Florence, allied with France. The analysis of the comedies "La Mandragola" and "La Clizia" showed that, when the writer finished his political practice, he continued to remain a sensitive observer and analyst, satirically denouncing the decline of his city and the misfortunes of Italy. The article draws conclusions about the orientation of Machiavelli the writer towards the initial period of the Italian Wars as a "point of no return" in Italian history; about the role of the poem "Decades" as a kind of a "prologue" to his comedies, which are filled with images of Italy. In these Machiavelli's works, similarities and differences are revealed in the contextual and semantic specificity of the expression of images of Italy.

Keywords: images of Italy, Machiavelli, literary heritage, "Decades", "La Mandragola", "La Clizia", Italian Wars

For citation: Dmitrieva, M.I. & Pavlov, K.V. (2025) Images of Italy of the late 15th – early 16th centuries in the literary works of Machiavelli. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 510. pp. 16–29. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/510/2

Введение

Литературное наследие Никколо Макиавелли (1469–1527) – выдающегося дипломата, политического мыслителя и писателя эпохи Высокого Ренессанса – обширно и разнообразно. Знаменитый гуманист работал в разных жанрах – от политических и военных трактатов и историографических трудов до поэм и комедий. Образы Италии в сочинениях Макиавелли, написанных в разные периоды его жизни, стали отражением идей великого флорентинца, которые он, порой довольно противоречиво, развивал на протяжении всей своей творческой биографии. Макиавелли был современником раннего и самого яркого периода Итальянских войн (1494–1559 гг.) – длительного военно-политического конфликта на территории Италии, в котором принимали участие как крупные европейские страны – Франция, Испания, Империя (и другие), так и сами итальянские государства. Родина Макиавелли – Флорентийская республика, занимавшая на протяжении большей части войн нейтральную позицию, – была одним из ключевых итальянских государств, наряду с герцогством Миланским, Венецианской республикой, Папским государством и Неаполитанским королевством, противостоявшими французам и испанцам и отстаивавшими в этом конфликте собственные интересы.

Образы Италии эпохи Итальянских войн возникали не только на страницах его знаменитых политических трактатов, но и в сочинениях, относящихся к художественной литературе, ведь первая треть XVI в. – это и время Высокого Возрождения – яркого расцвета гуманистической мысли, науки и искусства, в том числе театрального. С конца XV в., благодаря переводам римских комедий на итальянский язык, сначала в Ферраре, а затем и в других итальянских городах расцветал театр на итальянском языке [1. С. 11]¹. Флоренция, имевшая богатую традицию театральных представлений еще во времена Лоренцо Великолепного (1469–1492 гг.), стала одним из таких центров в XVI в. Несмотря на отсутствие во времена Макиавелли придворного театра, здесь развивалась практика частных театральных постановок «по случаю», для них и создавались комедии, позволявшие транслировать идеи в форме, доступной широким кругам флорентийского общества и пользовавшиеся большой популярностью. Отметим и тот факт, что с XIV в. Флоренция была главным «очагом» гуманистических идей, важнейшими среди которых были концепции наилучшего политического устройства города-государства: «три золотых венца» итальянской литературы Треченто – Данте, Петрарка и Боккаччо, развивали их в отношении родного города [2], в первой половине XV в. этот вопрос продолжал обсуждаться в сочинениях Леонардо Бруни и других представителей «гражданского гуманизма», озабоченных политическими перспективами Флоренции. В первой четверти XVI в. к решению насущных политических проблем обратился и Макиавелли, но рассматривал ее уже более масштабно: не только для родного города, но и для

всей Италии, главным вопросом для которой оставалось объединение ее государств перед лицом иностранных вторжений.

Цель нашего исследования – изучение образов Италии в трех сочинениях Макиавелли: в его дипломатической поэме «Десятилетия» (*Decennali*, 1506, 1509) [3], а также в его комедиях «Мандрагора» (*La Mandragola*, 1518–1520) [4, 5] и «Клиция» (*La Clizia*, 1525) [6, 7]. Основными задачами являются, во-первых, анализ основных подходов к изучению писательского наследия гуманиста в историографии; во-вторых – определение специфики образов Италии в сочинениях Макиавелли, относящихся к художественной литературе; в-третьих – выявление содержательного и идейного сходства изучаемых сочинений Макиавелли. Для реализации этих задач в данном исследовании был применен комплексный междисциплинарный подход, сочетающий в себе методы исторического исследования (культурно-исторический, сравнительно-исторический, историко-генетический), а также литературоведческого анализа (структурно-описательный, сравнительно-сопоставительный).

Первые труды Макиавелли появились во время его активной дипломатической и политической деятельности на посту секретаря второй канцелярии Синьории, затем секретаря Совета десяти Флорентийской республики (июль 1498 г. – ноябрь 1512 г.), и это была, прежде всего, обширная дипломатическая переписка гуманиста [8]². В эти же годы Макиавелли написал поэму в двух частях «Десятилетия» [3], которая, как и его письма, стала отражением его дипломатической практики: он много путешествовал и выполнял ряд важных дипломатических миссий [9], приобретая тот политический опыт, который в дальнейшем получил оформление в его знаменитых политических трактатах. Пик писательской деятельности Макиавелли пришелся на период его изгнания из Флоренции, когда после четырнадцати лет службы на благо Флорентийской республики он был отстранен от политической деятельности и заключен в тюрьму по обвинению в организации антимедицейского заговора, а затем отправлен в ссылку (1513 г.). Макиавелли уехал в свое загородное имение Альбергаччо около Сан-Кашано, где находился в течение следующих семи лет. Здесь и родились такие его шедевры, как: «Государь» (1513), «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» (1513–1525), «Искусство войны» (1519–1520). К этому же периоду творчества относится и первая театральная пьеса Макиавелли «Мандрагора» (1518–1520) [4, 5]. В 1520 г. положение опального политика улучшилось: он начал посещать друзей во Флоренции, затем окончательно возвратился в родной город, получив должность государственного историографа. Макиавелли начал работу над большим историографическим трудом «История Флоренции» (1520–1525). К этому же времени относится создание «Клиции» (1525) [6, 7] – второй комедии, появившейся за два года до кончины Макиавелли (1527 г.).

Итак, исследуемые сочинения Макиавелли, относящиеся к произведениям художественной литературы, были созданы в разные периоды его творческой жизни: в ходе активной политико-дипломатической практики,

по ее завершении (особенно в период ссылки), в конце жизни писателя. Рассмотрение их в едином комплексе позволит судить о развитии политических идей Макиавелли, воплощенных в образах Италии конца XV – начала XVI в. Представляется, что в подобном исследовании важно учитывать не только тесную связь идей Макиавелли с политическими событиями, повлиявшими на его судьбу и взгляды, но и оценки наследия гуманиста, существующие в историографии, на обзоре которых мы остановимся более подробно.

К истории изучения литературных сочинений Макиавелли

Писательское наследие Никколо Макиавелли изучалось несколькими поколениями исследователей, в том числе историками литературы. Эта традиция ведет свое начало с комментариев современников великого флорентинца к его произведениям, а наиболее подробным сочинением такого рода стал критический комментарий к одной из самой фундаментальных работ Макиавелли – «Рассуждениям о первой декаде Тита Ливия» младшего современника Макиавелли и его товарища по флорентийской дипломатической службе Франческо Гвиччардини. Гвиччардини написал сочинение «Замечания относительно “Рассуждений” Макиавелли» (*Considerazioni intorno ai «Discorsi» del Machiavelli*) [10], ярко демонстрирующее контраст между теорией Макиавелли о перспективах итальянской государственности и политической практикой государств Апеннин эпохи Итальянских войн. В отличие от Макиавелли, скончавшегося в 1527 г., Гвиччардини застал апогей политической катастрофы Апеннин: падение Рима, а затем и Флоренции под натиском имперских войск Карла V Габсбурга [11. С. 598–599], поэтому, с его точки зрения, политическая теория Макиавелли оказалась нежизнеспособной и нереализуемой. Комментарий Гвиччардини, как отмечает отечественный историк М.А. Юсим, на несколько веков невольно придал сугубо критико-обличающий вектор рассмотрению работ Макиавелли [11. С. 600], и в дальнейшем традиция комментирования сводилась к копированию некоторых фрагментов работ Макиавелли для последующей критики по типу, предложенному Гвиччардини. Подобные комментарии прослеживаются в сочинениях таких итальянских авторов XVI–XVII вв., как Козимо Бартоли [12], Джованни Ботеро [13], Джеминиано Монтанари [14]. Впоследствии львиная доля критики Макиавелли связывалась с идеей об имморализме его политических взглядов и размышлений. Подобный подход позволял авторам подобных работ интерпретировать собственные политические взгляды. Классическим примером такого рода может служить трактат германского «просвещенного монарха» XVIII в. Фридриха II «Анти-Макиавелли» [15], в котором политические методы, применяемые самим Фридрихом на практике, диссимилировались им за критикой макиавеллевских рассуждений о политике [15. С. 290–416].

В XIX в. сочинения Макиавелли подверглись, своего рода «реабилитации» исследователей. Одним из

первых опытов непредвзятого анализа литературного наследия Макиавелли стала глава о его творчестве в работе классика мирового литературоведения Ф. де Санктиса «История итальянской литературы» [16]. Ученый предлагал исходить, прежде всего, из специфики политической практики Макиавелли как дипломата на службе Флорентийской республики [16. Р. 102–103]. Его ключевая идея заключалась в том, что Макиавелли, «унаследовавший» творческий дух Флоренции времен Лоренцо Великолепного, должен был стать патристичным обличителем культурного падения своей республики, связанного с политическим кризисом затяжных войн, и тем, кто призывает флорентинцев вернуть былое величие. Этот лейтмотив, по Ф. де Санктису, прослеживается во всем литературном творчестве Макиавелли: в комплексе его политических трактатов, в поэтических произведениях и в коротких прозаических заметках [16. Р. 103–104]. Аналогичную идею предложила американская исследовательница К.М. Филлимор, предметно изучившая комедийное творчество флорентинца в работе «Исследования итальянской литературы, классической и современной» [17]. По ее мнению, в своих комедиях Макиавелли был обличителем кризисного состояния современного ему итальянского, особенно флорентийского, общества [17. Р. 149]. Филлимор обратила внимание на специфику использования флорентинцем античных образов в этих комедийных работах, подчеркнув, что пьесы Макиавелли «Мандрагора» и «Клиция» не были характерны для ренессансной традиции прямого переложения форм и сюжетов одноименных античных комедий Плавта и Теренция, напротив, античные сюжеты использованы в них как общий композиционный «трафарет», внутреннее наполнение которого переосмыслено в общественно-политических реалиях Флорентийской республики эпохи Итальянских войн [17. Р. 149–150]. «Завершением» анализа творчества Макиавелли в историко-литературоведческом ключе в XIX в. можно считать труд британского исследователя Р. Гарнетта «История литературы Италии», в котором его автор отмечал, что для данной эпохи было характерно представление об «универсальном гении» – человеке, олицетворяющем собой идеалы ренессансной культуры [18. Р. 163–164]. Британец называл эталоном подобного универсализма современника Макиавелли – Леонардо да Винчи и заявлял о том, что Макиавелли был вторым после Леонардо, причем именно из-за комедийных пьес и поэмы его нельзя назвать первым [18. Р. 164]. По мнению Гарнетта, поэма «Десятилетия», в равной мере с «Мандрагорой» и «Клицией», разделяет сатирическое отношение гуманиста к современному ему итальянскому и, прежде всего, флорентийскому обществу [18. Р. 203], поэтому он ставил ее в разряд второстепенных сатирических сочинений [18. Р. 204], что, с нашей точки зрения, несколько опростетливо.

В XX в. анализ творчества Макиавелли продолжился, основными его направлениями в западной науке стали: определение специфики литературного стиля флорентинца, а также изучение его работ в социальном контексте итальянского общества XVI в. Так, в работе итальянского ученого Н. Сапеньо «Изложение

истории итальянской литературы» было предложено интересное наблюдение о форме ряда стихотворных произведений Макиавелли – терцетах в стиле Данте, ведь именно терцетами написана поэма «Десятилетия» [19. Р. 56]. По мнению ученого, уже само обращение Макиавелли к стилю поэтического изложения Данте – апологета и зачинателя вернакулярной литературной традиции Флоренции, означало отдание дани уважения великому предшественнику, а также «развитие тем, тесно связанных с его историко-политической мыслью (фортуна, возможность, честолюбие)» [19. Р. 75]. Вместе с тем исследователь отмечал, что Макиавелли не просто «копировал» стилистическую форму и понятийный аппарат Данте, но пересмысливал категории, введенные в пространство гуманистической литературы, отталкиваясь от «собственных страстных размышлений о судьбе Италии» [19. Р. 75]. Важный этап оценки значения работ Макиавелли связан с трудом американского автора Л. Страусса «Макиавелли и классическая литература» [20], в котором отмечается, что флорентинец ставил авторитет античной истории и литературы, основывавшийся на почитании «добродетели» и «убеждения личности» выше, чем следование «изжившему» ригоризму официальных доктрин дискредитированного папства [20. Р. 25]. В конце XX в. итальянский литературовед Дж. Петронио рассматривал литературную деятельность Макиавелли, как представителя «общества двора», в общей когорте с его современниками Бальдассаре Кастильоне и Лодовико Ариосто [21. Р. 72–81], что, по сути, стало продолжением традиции анализа макиавеллевского творчества, предложенной еще Р. Гарнеттом [18. Р. 163–204].

В отечественной научной литературе XX в. в исторических трудах начиная с А.К. Дживелегова, опубликовавшего «Государя» и малые произведения Макиавелли [22], до трудов В.И. Рутенбурга [23], подготовившего издание «Истории Флоренции» [24], как и в литературоведческих работах, речь о которых пойдет далее, творчество Макиавелли анализировалось преимущественно в двух аспектах: протонациональном и протобуржуазном. Так, например, попытка связать творчество Макиавелли с его представлениями о перспективах объединения Италии в национальное целое была предложена советским академиком В.Ф. Шишмариным в работе «Очерк истории итальянского языка», в которой ученый отмечал, что во времена Макиавелли вопрос о распространении письменности на вульгате в Италии стал как бы частным продолжением вопроса о политическом праве конкретной итальянской силы объединить полуостров под своим началом [25. С. 114–115]³. Что касается отношения к Макиавелли как к литератору-идеологу итальянской буржуазии, то этот подход представлен, в частности, работой советского ученого К.М. Долгова «Гуманизм, Возрождение и политическая философия Никколо Макиавелли» [26]. Исследователь считает, что Макиавелли обличал пороки современного ему общества, как некие пережитки феодализма, что он был наблюдателем, аналитиком и едва ли не первым идеологом новой общественной морали [26. С. 30–32].

Современный отечественный итальянист М.А. Юсим, рассматривающий жизнь и творчество Макиавелли как «образцовые для своего времени», ключ к которым дает его этика [27. С. 45], рассуждает о его политических представлениях, исследуя главные сочинения флорентинца и отмечая эволюцию жанров в его творчестве: «...за политическими трактатами (1513–1516 гг.) следуют художественные произведения...» [27. С. 38], что соответствует и политической судьбе самого гуманиста. По мнению историка, «...в “Мандрагоре”, лучшей пьесе Макиавелли, исследователи усматривают то же столкновение человека с судьбой, которое питает все трагические коллизии, присутствующие в трактатах флорентийского писателя, но факт остается фактом – театр Макиавелли камерный, он не выносит на сцену тех общественно-политических страстей, которыми полны и “Рассуждения” и “История Флоренции”» [27. С. 39–40]. В одной из своих недавних работ ученый сравнивает историко-политическую мысль Макиавелли с идеями его младшего современника Гвиччардини, подчеркивая общность воспитавшей их культурной среды Флоренции, отмечая значительное сходство их взглядов [11].

В западной научной литературе начала XXI в. также появляются новые концепции, связанные с приемами Макиавелли-литератора (например, британского исследователя Б. Ричардсона, связанная с анализом композиционных приемов Макиавелли, особенно в его исторических трудах [28. Р. 188–193]), однако чаще систематизируются известные ранее традиционные концепции. Так, специалист по истории ренессансной литературы Р. Брускальи в главе, посвященной Макиавелли, коллективного издания «Итальянская литература. От истоков до наших дней» [29], предлагает рассматривать его творчество через призму его социального статуса: Никколо относился к прослойке так называемой интеллектуальной буржуазии города [29. Р. 317]. Флоренция при Лоренцо Великолепном «принадлежала» к интеллектуальным кругам, но после его смерти их влияние резко снизилось, а потом и вовсе свелось к минимуму, что, по мнению Брускальи, как раз демонстрирует Макиавелли как историк и аналитик недавнего прошлого [29. Р. 330]. Подобный подход возвращает нас к «базовым» оценкам литературной деятельности Макиавелли, заключенным во взглядах Ф. де Санктиса на Макиавелли-литератора как воплощение духа ренессансной Флоренции [16. Р. 105].

Отдельно следует охарактеризовать гуманитарные исследования в области имагологии, отметив их методологическое и тематическое многообразие и неоднородность. Среди различных векторов имагологической парадигмы можно выделить работы культурологической и искусствоведческой, а также векторы историко-политической и литературоведческой направленности. Первое направление в отечественной науке отмечено появлением знаменитого в начале XX в. труда П.П. Муратова «Образы Италии» [30], наполненного красочными и поэтическими описаниями памятников искусства, уникальными художественными образами итальянских городов эпохи Возрождения (из современных работ к этому направлению, очевидно, можно

отнести серию трудов А.В. Ипполитова об итальянских городах). Другой вектор имагологической парадигмы, заложенный еще в «классических» трудах М. Блока [31] и Э. Канторовича [32] и посвященный анализу значения образов и символов власти в средневековую эпоху, продолжает активно развиваться, особенно в последние годы. Представители западной науки изучают конструирование политических образов средствами изобразительного искусства. Эта линия прослеживается, например, в работах, посвященных образам ренессансных городов: Флоренции (Х. Янсон [33] и С. Эджертон [34]), Венеции (статьи К. Барцман [35], М. О'Коннелл [36] и Р. Гой [37] в сборнике «Вид Венеции. Портрет ренессансного города»), Сиены (Ф. Невола [38]). В современной отечественной науке работы ученых-медиевистов М.А. Бойцова, О.С. Воскобойникова, П.А. Габдрахманова [39] демонстрируют возможности «потестарной имагологии» применительно к разным периодам в истории властных структур: от Средневековья до Нового времени. Имагологический метод находит применение в литературоведении, акцентируется ценность изучения образов, создаваемых различными текстами соответствующей эпохи. Так, например, в работе С. Гэйлэрд [40] знаменитый конфликт идей, возникший между гуманистами Флоренции и Милана в первой половине XV в. и связанный с политическим противостоянием двух государств [40. Р. 9–18], рассматривается именно с позиций создания гуманистами образов правителей своих государств. Относительно его применения в данном случае [41] отметим частичное использование его инструментария (понятийного аппарата, терминологии) и стремление авторов на основе образов проанализировать взгляды и представления Макиавелли – великого мыслителя, дипломата и политика.

Таким образом, литературное творчество флорентинца изучалось в историографии с разных позиций, подчас довольно противоречиво. Авторам данной статьи в этом плане оказалась наиболее «созвучна» точка зрения, связанная со взглядом на Макиавелли как на наследника творческого духа Флоренции времен Лоренцо Великолепного, политика и гуманиста, принадлежащего к «интеллектуальной буржуазии города» и пытавшегося воскресить идею его былого величия. Выявление образов Италии времен Итальянских войн в текстах литературных сочинений Макиавелли (поэме и двух комедиях), не относящихся к числу главных работ гуманиста, но, безусловно, репрезентативных с точки зрения наличия в них образов, отражающих взгляды и представления Макиавелли об Италии периода культурно-политического перелома, призвано дополнить представления о его творческом наследии.

«Decennali» Никколо Макиавелли

Дипломатическая поэма Макиавелли в двух частях «Десятилетия» (*Decennali*), прежде не изучавшаяся в отечественной науке, задумывалась как обозрение политических событий двух первых десятилетий хода Итальянских войн. По словам М. Бонфантини, подготовившего научно-критическое издание сочинений

флорентинца, оригинальное авторское название поэмы, включающее в себя текст обеих ее частей, это – «Изложение событий десятилетия в истории Италии флорентинцем Никколо Макиавелли» (*Nicolai Malclavelli fiorentini Compendium rerum decennio in Italia gestarum*) [42. Р. 34]. Первая часть поэмы (*Decennale primo*), описывающая события 1494–1504 гг., явилась самым ранним из опубликованных сочинений Макиавелли. Как полагает итальянский историк Дж. Инглезе, *Decennale primo* была подготовлена к 1506 г., что подтверждают материалы служебной корреспонденции Макиавелли, в частности письмо главного капитана Флорентийской республики, наследного владетеля Болоньи Эрколе Бентивольо (от 25 февраля 1506 г.) о получении текста первой части поэмы «Десятилетия» от ее автора [43. Р. 124–125]. Эрколе Бентивольо благодарил Макиавелли за присланный ему экземпляр поэмы, восхищался изящной краткостью рассказа и убеждал гуманиста продолжать работу, предназначенную для «...тех, кто придет после нас», чтобы «...дети и внуки, зная о злой судьбе Италии, не приписывали ее несчастья исключительно проступкам своих отцов» [43. Р. 125]. Из процитированных фрагментов видно, что поэма носила скорее назидательный, нежели сатирический (как полагал Р. Гарнетт [18. Р. 203]), характер, а также тот факт, что современники войн на Апеннинах не верили в возможность урегулирования кризиса в Италии при своей жизни и адресовали эту задачу потомкам. Впрочем, комментарий адресата Макиавелли контрастирует со свидетельством Франческо Гвичардини, согласно которому достижение общетальянского политического баланса, на момент организации папой Юлием II Камбрейской лиги (декабрь 1508 г.), было еще возможно: он называл соглашения в Камбре «вечным миром и союзом папы с каждым из великих государей» [44. Р. 737].

Как уже отмечалось, поэма написана в терцетах, что стилистически роднит ее с поэтическим творчеством великого Данте Алигьери. Подобно Данте, Макиавелли был озабочен судьбой Флоренции, но еще больше – судьбой общей родины – Италии, поэтому в начале *Decennale primo* возникает весьма трагический образ разобщенной Италии начала масштабного военного конфликта: «Солнце над нашим миром преодолело тысяча четыреста девяносто четвертый оборот, с того времени, как Иисус впервые посетил наши земли и, пролив кровь, погасил искры дьявольского пламени, когда сама с собой несогласная Италия, открыла путь галлам и пострадала, потоптанная варварскими народами»⁴:

Aveva 'l sol veloce sopra 'l dorso
del nostro mondo ben termini mille
e quattrocen novanta quattro corso,
dal tempo che Iesù le nostre ville
vicitò prima e, col sangue che perse,
estinsè le diaboliche faville
quando, in sé discordante, Italia aperse
la via a' Galli, e quando esser calpesta
da le genti barbariche soffersè [3. Р. 1047].

Макиавелли уверен, что главным виновником такого положения Италии стал Лодовико Моро – узурпатор власти в Миланском герцогстве, сначала пошедший на

«сделку» с французами ради признания своей легитимности, а затем осмысливший этот провал: «Так как весть о столь славной победе⁵, дошла до ушей первого виновника ваших несчастий, он понял свою глупость и боясь упасть в яму, самим себе вырытую, осознавая, что его собственных сил недостаточно, герцог, стремясь все спасти, объединил усилия с Папой, Империей и [республикой Св.] Марка»:

Poiche d'una vittoria tanta e tale
si fu la fama nelli orecchi offerta
a quel primo motor del vostro male,
conobbe ben la sua stultizia certa;
e dubitando cader ne la fossa
che con tanto sudor s'aveva aperta,
né li bastando sua natural possa,
fece, quel duca, per salvar el tutto,
col papa, Imperio e Marco testa grossa

[3. Р. 1048].

Используя слово «яма» – «fossa» – в данном терцете поэмы, Макиавелли иронически обыгрывает некоторое созвучие фамилии миланских герцогов – Сфорца (*Sforza*), часто произносившейся без звука «г», – этому слову. Макиавеллевская ирония над содеянным Лодовико – это горькая ирония над миланской ситуацией, которая обернулась плачевными последствиями для всей Италии. Итальянские государства попытались объединиться для противостояния французам, формальное руководство этим союзом, названным Венецианской священной лигой (1495 г.), приняла Империя Габсбургов [45, 46]⁶. Макиавелли иронизирует над Лодовико Моро, вынужденным ориентироваться на союз с императором Максимилианом I, «осознавая, что его собственных сил недостаточно» [3. Р. 1048]. Далее Макиавелли укажет, что «плоды» авантюры Моро с узурпацией власти в Милане, в надежде на поддержку короля Карла, обернулись катастрофой для всей Италии, а для него самого – спустя шесть лет после начала войн на Апеннинах – потерей герцогства и «бегством во спасение себя» [3. Р. 1054]. События Первого итальянского похода (1494–1495 гг.) он оценивает критично и пишет, что напуганный организацией Венецианской священной лиги Карл VIII «...ни за что не соглашался дольше оставаться в Апулии. Оставив много воинов охранять королевство, он с остальными отступил в Тоскану» [3. Р. 1049]⁷. Отметим также, что автор поэмы никак не обозначает позицию родной Флоренции по поводу участия в Венецианской священной лиге [3. Р. 1048–1049], что, вероятно, связано с его нежеланием представлять ее как государство, «лавирующее» в своей дипломатии между различными международными силами [9. С. 126]. Подобный образ флорентинцев – «меркантилистов дипломатии», был связан с проблемой возврата Пизы⁸, ведь упоминание ее потери, как ключевого вопроса военной дипломатии Флоренции, есть в начале первой части поэмы, сразу после описания начала Войн: «...вся Тоскана пришла в смятение, так была потеряна Пиза и те государства, которые отдала им [французам] семья Медичи»:

Così tutta Toscana si scompiglia,
così perdesti Pisa e quelli stati
che dette lor la Medica famiglia

[3. Р. 1047].

Возможно, тем самым автор поэмы стремится показать изначальную зависимость тосканской республики от французских действий, поэтому и далее, в *Decennale primo* так много внимания уделяется Франции – формально главной союзнице Флоренции. Так, в последующих описаниях конфликта Флоренции и Венеции (1498–1500 гг.) вокруг пизанского мятежа Макиавелли хоть и «оправдывает» позицию флорентинцев внутриполитическим кризисом⁹, но с горькой иронией указывает, что Флоренция продолжала надеяться на французов, в то время как венецианцы рассчитывали на пизанцев – «народец, исполненный ненависти против нашего люда» [3. Р. 1049], а не на обстоятельства международной конъюнктуры¹⁰. Макиавелли буквально укоряет соотечественников: «Вы расположились тут с открытым ртом и ждали, что из Франции придет тот, кто принесет манну небесную в вашу пустыню и вернет вам Пизу, Пьетрасанту и другие города, как король много раз вам обещал»:

...voi vi posavi qui col becco aperto
per attender di Francia un che venisse
a portarvi la manna nel deserto
e che le rocche vi restituisse
di Pisa, Pietrasanta e l'altra villa,
sì come il re più volte vi promise

[3. Р. 1050]¹¹.

Весьма показательно, что и новая «волна» вторжений, возобновившихся в 1500 г. с походами французского короля Людовика XII Валуа, описывается в поэме как отправка Флоренции наемных войск для пизанской кампании: «...галлы направились в ваши земли, чтобы победить пизанцев и привести их к нам на поклон... но, столкнувшись с пизанцами, [галлы], полные смятения и пораженные страхом, вместо того, чтобы показать свою силу, отступили почти побежденные и жестоко опозоренные: так стало известно, что и французов можно победить»:

Volsono e Galli dipoi far passaggio
ne' terren vostri, sol per isforzare
e ridurre e Pisani a darvi omaggio...
E come forno co' Pisani a fronte,
pien di confusion, di timor cinti,
non dimostrorno già lor forze pronte,
ma dipartirsi quasi rotti, e tinti
di gran vergogna: e conobbesi 'l vero,
come e Franzesi possono esser vinti

[3. Р. 1055–1056].

В приведенном фрагменте отчетливо виден дуализм обозначения завоевателей «галлы-французы». Очевидно, проникнутый представлениями об античном духе как воплощении военной доблести (*virtu militarii*), великий флорентинец уподоблял современное ему французское войско лучшим античным армиям [8. Р. 347–348], но затем сделал наблюдение о его плачевном состоянии [8. Р. 362–378], поэтому в его поэме отважные «галлы» древности превратились в современных «французов», не заинтересованных в серьезном сражении против пизанцев и посылающих вместо себя швейцарских наемников. Следующей попыткой возврата

Пизы стало обращение флорентинцев к силам природы: в 1502 г. они попытались изменить течение реки Арно с тем, чтобы перекрыть пизанцам водную коммуникацию: «И нападать на пизанцев не перестали; напротив, отняв у них треть урожая, напали на них по морю и по суше. А так как они не боялись обращенных против себя мечей, то с помощью различных замыслов попытались отклонить Арно в сторону по разным руслам» [3. Р. 1063]. Как известно, данный проект проблеме возврата Пизы не решил, и на момент выхода в свет *Decennale primo* (1506 г.) этот вопрос по-прежнему оставался ключевой задачей Флоренции в Итальянских войнах. Первую часть поэмы Макиавелли завершает обращением к «храму Марса» – «tempio riapriissi a Marte» [3. Р. 1065]. Это обращение он экстраполирует и на весь итальянский конфликт: разрешить совокупность противоречий, запутавшихся в ходе войн за десять лет, невозможно иначе как только божественными силами [3. Р. 1065].

Вторая, незавершенная часть поэмы «Десятилетия» (*Decennale secondo*) увидела свет в 1509 г., хотя изначально в ней предполагалось описать события всего второго десятилетия Итальянских войн (1504–1514 гг.) [42. Р. 34]. Очевидно, ее «досрочный» выход был приурочен именно ко взятию Флоренцией Пизы в 1509 г. Ключевое внимание Макиавелли в этой части уделено двум взаимосвязанным аспектам итальянской политики: возврату Пизы и возрастанию в конфликте роли Империи Габсбургов. Оба аспекта были значимы для Макиавелли – дипломата и координатора проекта по организации военного ополчения во Флоренции [47. С. 141–145]. Возвращение мятежной Пизы под власть Флоренции произошло благодаря «благожелательному» нейтралитету со стороны Империи, активную роль в процессе переговоров с которой сыграл сам Макиавелли, лично принявший участие во флорентийском посольстве ко двору Максимилиана I в 1507–1508 гг. [47. С. 160–162]. К 1509 г. Флоренция, наконец, «дождалась» ситуации, при которой Пиза не могла больше рассчитывать на поддержку внешних сил и после четырехмесячной осады сдалась: «...хотя была упорным врагом, но оказалась вынуждена признать поражение и, плача, вернулась на свою старинную цепь»:

E benché fussi ostinata inimica,
pur da necessità costretta e vinta
tornò piangendo a la catena antica

[3. Р. 1071].

Словами о «старинной цепи» Макиавелли подчеркивает вековую принадлежность флорентинцам Пизы – порта, делающего Флоренцию морской республикой и придающего ей важнейшее значение в итальянской политике [47. С. 31]. Как он нехотя замечает, этот вопрос по-прежнему решался действиями внешних сил, в частности повышением роли Империи в развитии итальянского конфликта по «сценарию» договора в Камбре¹².

Анализируя причины создания антивенетской Камбрейской лиги в декабре 1508 г., Макиавелли указывает, что именно занятие Венецией имперских тер-

риторий – Триеста и Гориции, стало ее роковой ошибкой и навлекло на нее всеобщую ненависть: «Поэтому Максимилиан пожелал заключить перемирие, видя сильное сопротивление против своей армии; и по соглашению уступил оба города, которые впоследствии были той трапезой, той скверной, ядовитой пищей, что испортила св. Марку ненасытный желудок»:

Onde Massimian far triegua volse
veggendo contr' ai suoi tanto contrasto,
e le due terre d'accordo si tolse;
le qual dipoi si furono quel pasto,
quel rio boccon, quel venenoso cibo
che di San Marco ha lo stomaco guasto

[3. Р. 1069–1070].

И продолжает: «Поскольку император, о чем я вам пишу, был оскорблен тем, что показался доброму королю французов легковверным прислужником венецианцев. Поэтому, чтобы замысел [республики Св.] Марка не удался, папа и Испания объединились с Империей и желтыми лилиями¹³. И они не ограничились перемирием друг с другом, а быстро договорились в Камбре, что каждый может идти за своими владениями»:

Perché l'Imperio, sì come io vi scribo,
sut'era offeso, e al buon re de' Galli
parve de' Vinizian esser coribbo.
Così, perché il disegno a Marco fallì,
el papa e Spagna insieme tutt'a dua
s'uniron con l'Imperio e i gigli gialli.
Né steron punto de' patti infra dua,
ma subito convennon in Cambrai
ch'ognun s'andassi per le cose sua

[3. Р. 1070].

Таким образом, во второй части поэмы «Десятилетия» Макиавелли приходит к выводу о том, что положение дел в итальянском конфликте к 1509 г. в значительной мере зависело от баланса отношений сторон соглашения в Камбре и особенно – от отношений Империи и Франции. Последовавший за войнами Камбрейской лиги новый этап конфликта на Апеннингах, связанный с противостоянием Франции и имперско-испанского конгломерата под управлением Карла V Габсбурга [45. Р. 136–251], подтвердил дальновидность предположений флорентийского дипломата.

Комедия Макиавелли «Мандрагора»

Комедия Никколо Макиавелли «Мандрагора» (*La Mandragola*) [4, 5] более других способствовала оформлению итальянской комедийной драматургии [1. С. 15]. Эта пьеса, законченная, по разным оценкам исследователей, между 1518 [48. Р. 279] и 1520 г. [49. Р. 136–137], в отличие от трактатов, ставших достоянием общности лишь после его смерти, вызвала интерес уже при жизни автора. Так, доподлинно известна успешная постановка «Мандрагоры» в 1525 г. на театральной сцене в Модене, совершенная по инициативе Франческо Гвиччардини, служившего дому Медичи и бывшего в то время генерал-губернатором пап-

ских областей [29. Р. 328]. Согласно гипотезе Дж. Инглезе, премьера «Мандрагоры» могла состояться уже в год завершения комедии (1520 г.) на флорентийском карнавале [49. Р. 136–137]. Как полагает итальянский исследователь, она была положительно принята даже папой Львом X (Джованни Медичи), несмотря на очевидную сатиру над духовенством (в частности в неоднозначном образе священника Тимотео) [49. Р. 136].

Обратимся к сюжету пьесы с любовной историей, в центре которой – знатный молодой человек Каллимако, вернувшийся в 1504 г. во Флоренцию после десяти лет жизни в Париже, который стремится добиться расположения молодой дамы Лукреции, состоящей в бездетном браке с богатым торговцем Ничей, страстно желающим заполучить наследника своего состояния [4. Р. 989–991]. Для этого Каллимако с помощью своего приятеля плута Лигурио придумывает способ войти в доверие к Ниче [4. Р. 993–996]: при знакомстве с необразованным торговцем он притворяется доктором и предлагает тому средство от бездетности – отвар из мандрагоры [4. Р. 998–999, 1001–1004]. Однако, по словам «доктора», человек, принявший этот отвар, спустя несколько дней неизбежно умирает, поэтому он предлагает найти для Лукреции «незнакомца, который не только разделит с ней ложе, но и втянет в себя вместо него всю дрянь от отвара» [4. Р. 1002], на что Нича соглашается. В свою очередь, Лигурио завершает идею мнимого доктора (Каллимако), предлагая убедить Лукрецию понести ребенка от незнакомца, пользуясь ее доверием к священнику Тимотео и матери Сострате, которые за вознаграждение готовы поучаствовать в этом исключительно аморальном действии [4. Р. 1004–1005]. Доверчивость Ничи к Каллимако и его компаньону Лигурио представляется исключительной: торговец называет Каллимако «самым достойным мужчиной, которого только можно найти», «человеком, в чьих речах можно растаять, так достойно он обо всем судит» и даже «великим человеком, с которым, верно, считается и сам король Франции» – все эти восхваления в адрес незнакомца связаны лишь с тем, что этот «доктор» смог при двух встречах с Ничей произнести несколько связных фраз на научной латыни [4. Р. 998–1002]. Удивителен и смехотворен и решающий «аргумент», которым Каллимако убедил Ничу согласиться с предложенным планом: заявление о том, что «если бы испытанное мной средство не работало, то королева Франции была бы бесплодна, как и бесчисленное множество других владетельниц в этом государстве» [4. Р. 1002]. В сознании флорентийского торговца должно было сыграть доверие к самому имени королевы Франции – без привязки к каким-либо подтверждениям.

Несомненно, здесь проявляется ирония Макиавелли над дипломатическим курсом Флоренции в итальянских войнах, основанным на франкофильской линии, исполнителем которой он сам являлся, что стало продолжением тех идей и той иронии, которые он выразил в «Десятилетиях». Тем самым Макиавелли обнажает известную дихотомию современного ему флорентийского общества: торговая элита города – центра ренессансной культуры – оказалась в значительной степени чужда элите интеллектуальной. Обе существуют

как бы в разных мирах: торговцы пытаются заново выстроить систему деловых коммуникаций с итальянскими и европейскими державами в условиях затяжного конфликта; интеллектуалы (с которыми Макиавелли справедливо отождествляет и себя) стремятся найти в современных политических практиках Европы и Апеннин те черты, сочетание которых позволит выйти из затяжного конфликта. Однако, с нашей точки зрения, не стоит полагать, что Макиавелли вкладывает дух интеллектуальной элиты города в образ Каллимако (как это предположили такие современные исследователи, как Дж. Наджеми [50. Р. 667–668] и Х. Мансфилд [51. Р. 15–16]). Напротив, ситуация, при которой первый встречный во Флоренции может прослыть доктором, сказав лишь пару фраз на латыни, представляется автору «Мандрагоры» поводом для горькой иронии относительно того, как современная Флоренция далека от прежней Флоренции – интеллектуально-культурного центра Италии и Европы.

Итак, время действия комедии – 1504 г., Нича в ней обозначен, как «мессер» – уважаемый мужчина средних лет [49. Р. 983], его восторг происходит не только от «лицезрения» перед собой «доктора французского короля», но и от воспоминаний о поездках в ближайшие к Флоренции города Тосканы в молодости: «Когда я был моложе, я много где бродил. И не было в Прато ни одной ярмарки, на которую бы я не пошел, и не было в округе замка, где бы я не побывал: и я скажу вам больше: я был в Пизе и Ливорно, о да» [49. Р. 993]. Значит, молодость торговца пришлась на 1490-е гг. – время глубочайшего упадка флорентийской политики, когда из республики были изгнаны Медичи и было потеряно почти вековое владение Пизой, в то же время знатные люди, подобные макиавеллевскому Каллимако, покинули Флоренцию, охваченную политической катастрофой, так же как и некогда знатные флорентинцы, их «литературные предки», герои «Декамерона» Джованни Боккаччо – чумную Флоренцию [52. С. 47–57]. Значит, и в этом сочинении Макиавелли делает начало итальянских войн отправной точкой своего повествования, а ее действие приходится на ранний период Войн.

В «Мандрагоре» прослеживается еще один очевидный контраст поколений: если для предыдущих поколений флорентинцев были характерны воспоминания о пышных процессиях и торжестве высокой культуры, во времена «старых» Медичи (прежде всего Лоренцо [53. Р. 105–130, 199–227]), то для современников Макиавелли, подобных Ниче в «Мандрагоре», «праздником» молодости стали поездки в соседнюю Пизу, вскоре утраченную республикой.

Таким образом, Флоренция времени действия «Мандрагоры» превратилась из культурного центра Европы и одного из политических центров Италии в город с обществом торговцев, не видящих мир дальше Пизы и Ливорно (таких как Нича), и искателей удачи, «курсирующих» между домом и чужбиной (таких как Каллимако). К этому же состоянию города отсылает и упомянутое в прологе к «Мандрагоре» авторское пожелание:

Флоренцию как раз
ты видишь, добрый зритель,
сам – флорентийский житель.
А в будущем тебя мы уморим
тем, что покажем Пизу или Рим [5. С. 99].

Дух рассуждений «Мандрагоры», как отмечают современные исследователи из университета Белграда Б. Ковачевич и М. Симендич, свойствен Макиавелли – «изгнаннику», пылкому участнику бесед в садах Ручеллаи о будущем тосканской республики, но не Макиавелли – дипломату 1498–1512 гг., верно служившему режиму Пьеро Содерини [54. Р. 53–54]. В этом отношении сербские авторы предлагают не воспринимать образы, связанные с комедией флорентинца, персонализированно, пытаясь отыскать аналогии среди известных современников Макиавелли (так об этих образах рассуждали, к примеру, вышеупомянутые Наджеми [50. Р. 665] и Мансфилд [51. Р. 16]), а рассматривать их в качестве характерных собирательных типов «...испорченных граждан рушащейся республики, в которой практически невозможно установить правильный порядок» [54. Р. 54]. Соглашаясь с данной точкой зрения, отметим, что, вполне возможно, видение Флоренции эпохи Итальянских войн в духе макиавеллевской «Мандрагоры», как города, не сумевшего достойно сохранить наследие старой медичейской власти, вполне разделял и представитель семьи Медичи римский понтифик Лев X, что и помогло состояться постановке комедии при жизни автора¹⁴. Изучение комедии Макиавелли «Мандрагора» позволяет нам в какой-то мере переосмыслить положение ее автора в период вынужденного уединения по обвинению в анти-медичейской деятельности: Макиавелли в 1512–1527 гг. отнюдь не стал изгоем для современного ему флорентийского и итальянского общества, напротив, был метким наблюдателем итальянских реалий данной эпохи.

Комедия Макиавелли «Клиция»

Влияние Макиавелли – историка и политического наблюдателя – оказалось востребовано и в его дальнейшей литературной деятельности, следующим этапом которой, после «Мандрагоры», стало создание комедии «Клиция» (*La Clizia*) [6, 7]. Образцом для ее написания послужила пьеса Плавта «Касина» (*Casina*) со сходной сюжетной основой: в молодую девушку по имени Клиция одновременно влюблены Никомако – ее воспитатель и глава богатой флорентийской семьи, а также его сын Клеандро. Никомако стремится выдать юную Клицию замуж, предлагая ей в качестве мужа своего слугу Пирро с тем, чтобы после свадьбы самому стать любовником воспитанницы. Клеандро с той же целью привлекает к делу управляющего хозяйством и своего друга Эустако, которому предлагает стать другой кандидатурой в мужья Клиции, а также свою мать Софронию. Объединившись, последним удается перехитрить Никомако: когда новоиспеченный «муж» Пирро уступает свое место на брачном ложе Никомако, тот обнаруживает на нем вместо Клиции другого слугу (Сиро), переодетого в ее одежду. Слостолюбец Никомако посрамлен, вынужден раскаяться, расторгнуть брак Клиции и объясниться с женой. Честь девушки оказывается таким образом спасена. В последних двух явлениях пьесы появляется неизвестный ранее родной отец Клиции – Рамондо – неаполитанский дворянин, разыскавший свою давно потерянную дочь, который готов с радостью отдать ее руку Клеандро [6].

Сама Клиция как действующее лицо в пьесе не появляется ни разу, хотя весь сюжет организован именно вокруг нее: об ее появлении в семье в самом начале комедии рассказывает влюбленный в нее Клеандро, который в диалоге со своим другом Паламеде называет дату знакомства своей семьи с французским дворянином, оставившим впоследствии девочку в их доме, – 1494 г. [6. Р. 892]. Таким образом, как и в других рассматриваемых сочинениях Макиавелли, отправной точкой повествования в «Клиции» является год начала Итальянских войн. Клеандро рассказывает и об обстоятельствах этого знакомства: «...когда по пути в Неаполь король Карл, во главе огромного войска, проходил через Флоренцию, в нашем доме остановился дворянин из отряда монсеньера де Фуа по имени Бельтран де Гасконь...» [7. С. 150]. Интересно, что тут же Макиавелли подчеркивает удивительную дружбу, зародившуюся между этой богатой флорентийской семьей и французским дворянином, отмечая, что так происходит далеко не всегда [7. С. 150], что также очень похоже на подобные замечания в «Десятилетиях» и «Мандрагоре» и является, своего рода, отсылкой к политической ориентации Флоренции на Францию. Далее устами Клеандро Макиавелли подробно повествует о событиях, заставивших этого дворянина на обратном пути из Неаполя во Францию оставить девочку во Флоренции: «Карл хоть и захватил королевство Неаполь, однако же вынужден был его оставить, ибо папа, император, венецианцы и герцог Миланский соединились против него. Оставив часть своих людей в Неаполе, Карл устремился в Тоскану. Тут он узнал, что образовавшаяся против него лига собрала огромное войско на Таро, дабы преградить ему дорогу, когда он будет спускаться с гор... Бельтран, прослышав про движение вражеских войск и не ведая, как обернется дело, положил, по крайности, спасти любезную его сердцу девчурку, которая была с ним в Неаполе, девчурку эту препоручил он слуге отвезти к моему отцу, заклиная дружбой холить и лелеять ее. А там, Бог даст, он за ней пришлет» [7. С. 151]. В приведенном фрагменте «Клиции» вновь можно заметить идейное сходство с другими анализируемыми сочинениями Макиавелли: автор вновь обращается к событиям Первой итальянской войны 1494–1495 гг., связанным с организацией Венецианской священной лиги и поспешным «бегством» Карла VIII из Южной Италии; эти события, и в данном случае трактуются Макиавелли как начало новой для Италии эпохи.

Макиавелли подчеркивает юный возраст героини: в пьесе ей около 16–17 лет. Другие ее характеристики: Клиция – бесприданница, происхождение ее весьма сомнительно [7. С. 152] – свидетельствуют о том, что автор комедии «закладывает» в ее образ гораздо больше, чем лишь возраст и неопределенный статус. В интерпретации Макиавелли, Клиция – невинная жертва дурных намерений и обстоятельств. Единственным проявлением ее чувств в комедии является ее реакция на возможное насильственное замужество, о которой мы узнаем из рассказа служанки Дории: «Пирро вручил Клиции кольцо и пошел проводить нотариуса до парадной двери. И тут Клиция, укушенная уж не знаю какой

мухой, хватает кинжал и, разъяренная, простоволосая, бросается с криком: «Где Никомако? Где Пирро?» Софрония, Клеандро, я и все, кто находился в доме, напрасно пытаемся остановить ее. Клиция забилась в угол и кричит, что хочет вас зарезать» [7. С. 178]. Как уже отмечалось, в пьесе девушку спасает предприимчивость Клеандро и хитрость его матери Софронии, которая перед брачной ночью переодевает Клицию в мужскую одежду слуги, отправляющегося «исполнить» ее роль, а утром, после разоблачения мужа, быстро отсылает девушку в некий монастырь [7. С. 187]. Горькой иронией пронизаны диалоги шестого и седьмого явлений пьесы, повествующих о «счастливом» конце этой истории: во Флоренцию приезжает неаполитанский дворянин Рамондо, который наконец находит семью, воспитавшую его дочь Клицию. Рамондо счастлив обретением дочери и знакомством с «благородным» семейством, при этом, будучи человеком пожилым, он сразу соглашается отдать ее в жены Клеандро [7. С. 188–189]. Что думает и чувствует по этому поводу сама Клиция – неизвестно. Пожалуй, в этом и проявляется основное отличие Клиции от Лукреции – героини «Мандрагоры», которой удается полюбить юношу, хитростью овладевшего ею, что, по-видимому, намекает на «счастливый конец» ее истории. Клиция избегает самого худшего варианта развития событий, но вопросы об ее отношении к Клеандро и о том, что с ней будет дальше, остаются без ответа.

Итак, история Клиции в комедии начинается в 1494 г., из первого диалога известно, что с момента ее появления в семье прошло около двенадцати лет [7. С. 152], что позволяет отнести основное действие пьесы к 1507–1508 гг. К этому времени состоялись Вторая (1499–1501 гг.) и Третья (1502–1504 гг.) итальянские войны Людовика XII, в ходе которых французами был захвачен Милан и предпринята неудачная попытка захватить Неаполь, оставшийся в руках испанцев. Между Францией и Испанией было заключено соглашение в Блуа (1505 г.), закрепившее принадлежность Неаполя испанцам и ставшее «прологом» к образованию Камбрейской лиги (1508 г.). Именно этот этап фиксирует Макиавелли в своей комедии». Почему же и в этой пьесе, написанной флорентинцем в конце жизни (1525 г.), происходит «возвращение» к началу Войн и их раннему этапу?

Думается, это связано с судьбой самого Макиавелли – политика и историка, очень трезво оценивавшего события, участником и свидетелем которых ему суждено было стать¹⁵. Макиавелли умер в 1527 г. и не застал драматических перемен трех последних десятилетий Итальянских войн¹⁶: осады и захвата Рима испанцами («Римский мешок». 6.05.1527), военного и политического кризиса последней республики во Флоренции (1527–1531 гг.), окончательного поражения Франции и победы Испании в итоге конфликта¹⁷, тем не менее в своей «Клиции» он чутко уловил и выразил самую суть итальянской трагедии на примере событий конца XV – первого десятилетия XVI в. Разобщенность итальянских государств, их подверженность влиянию внешних сил и отсутствие единства не могут привести к «хорошему» концу. «Объектное» положение юной героини, участие в ее судьбе французов, неаполитанцев, а также самих

флорентинцев – все говорит о том, что, «рисую» образ невинной жертвы Клиции, Макиавелли подразумевает положение самой Италии в историческом контексте рассматриваемой эпохи.

Заключение

Исследование образов Италии в трех сочинениях Никколо Макиавелли: дипломатической поэме «Десятилетия», написанной в самом начале творческого пути, а также в комедиях: «Мандрагоре», опубликованной после возвращения из ссылки, и «Клиции», созданной в самом конце жизни великого писателя, а также изучение основных подходов к литературному творчеству Макиавелли в историографии, привели нас к следующим выводам:

Во-первых, проанализированные в рамках исследования художественные сочинения демонстрируют нацеленность Макиавелли-историка на один и тот же переломный для Италии период – время первых полутора десятилетий Итальянских войн, свидетелем и активным участником которых он являлся, подтверждая тезис о Макиавелли – политике и гуманисте, принадлежащем к «интеллектуальной буржуазии города», в творчестве которого воплотился дух ренессансной Флоренции. Начало Итальянских войн (1494 г.) «запускает» повествование в «Десятилетиях», описывающих в поэтической форме их первые пятнадцать лет (1494–1509), а также «дает старт» сюжетным линиям в обеих комедиях Макиавелли, чье действие разворачивается в тех же временных рамках: в 1504 г. – в «Мандрагоре»; в 1507–1508 – в «Клиции».

Во-вторых, образы Италии, демонстрирующие специфику идейного содержания данных творений, представлены в сочинениях по-разному. В «Десятилетиях» они обусловлены самой дидактической направленностью поэмы, призванной заставить «одуматься» правителей итальянских государств, решающих собственные проблемы, привлекающих к этому «варваров» (французов) и не учитывающих пагубность подобной политики для судеб Италии. В комедиях «Мандрагора» и «Клиция» образы Италии служат своего рода фоном, контекстом и усиливают драматический эффект сюжетной линии, влияя, как на судьбу героев, так и на восприятие этих сочинений зрителями – современниками событий.

В-третьих, идея о пагубности раздоров и необходимости объединения всех итальянских государств перед лицом внешней опасности красной нитью проходит через все рассматриваемые сочинения Макиавелли.

Анализ особенностей его языка показывает, что ироничность мышления, характерная для позднего литературного творчества Макиавелли – комедиографа, проявлялась еще в его раннюю бытность дипломатом Флорентийской республики. Поэма «Десятилетия» в этом плане и в плане идейного содержания вполне может претендовать на роль своеобразного объединенного пролога к «Мандрагоре» и «Клиции». В своих комедиях Макиавелли максимально использует выразительные приемы, присущие этому жанру, продолжая беспокоиться не столько о судьбах отдельных итальянских государств (в том числе Флоренции), сколько обо всей Италии, что делает их важнейшей частью идейного и политического наследия великого флорентинца.

Примечания

- ¹ В конце 1470-х гг. феррарский гуманист Гуарино впервые переводит римские комедии Плавта и Теренция на итальянский язык. В 1486 г. во дворе герцогского замка в Ферраре ставят «Менехмы» Плавта в переводе Никколо Корреджо, после этого город становится столицей театральной Италии [1. С. 11].
- ² Дипломатическая корреспонденция Макиавелли изучена по фундаментальному научно-критическому изданию под общей редакцией Ф. Кьяпелли. Итало-французский коллектив исследователей представил проанализированные по источникам из фондов Национальной библиотеки Флоренции и ранним изданиям (в частности издание Дж. Канестрини 1857 г.) служебные письма, рапорты, комиссионные инструкции и легации периода 1498–1505 гг., предшествовавшего написанию полной первой части «Десятилетий» в 1506 г. Так, 1-й том (1971) отражает документы из дипломатической практики Макиавелли за период с июля 1498 г. по июнь 1501 г.; 2-й том (1973) – за июль 1501–1503 гг.; 3-й том (1984) – за 1504 г.; 4-й том (1985) – за 1505 г. [8].
- ³ По мнению В.Ф. Шишмарева, в условиях Итальянских войн, когда Апеннины оказались подчинены «...нашествиям новых варваров», для образованной элиты итальянских регионов резко обострилась проблема локального самосознания: кто виноват в этой катастрофе, и кто может вывести из нее весь полуостров – «ломбардец или тосканец» [25. С. 115].
- ⁴ Как известно, еще накануне начала Итальянских войн часть итальянских государств (Милан, Венеция, Папское государство) в своих интересах поддержала Францию, однако с началом экспансии Карла VIII итальянцы попытались объединить свои силы для противостояния французам, претендовавшим на «свои» наследия: сначала – «анжуйское» (Неаполь), затем – «орлеанское» (Милан).
- ⁵ Под победой подразумевается сам поход в 1494 г. в Неаполь Карла VIII Валуа, поначалу не встретившего ответных военных действий итальянцев. Милан был захвачен в ходе походов Людовика XII Валуа, что стало настоящей «ямой» для Людовико Моро.
- ⁶ В состав антифранцузской Венецианской священной лиги (1495 г.) вошли: папа римский, император, короли Арагона и Кастилии, венецианский дож и герцог Милана, которые обязывались обеспечивать мир и спокойствие в Италии, защищать Святой престол и имперские права и оборонять друг друга. Император Максимилиан I, как полагают британские историки М. Маллетт и К. Шоу, вероятно, рассчитывал на новый раскол итальянских элит, чтобы занять исторически ориентированные на Империю земли Северной Италии [45. Р. 16–17]. Главным препятствием для его устремлений стало несогласие с подобными планами имперского рейхстага (Вормс, 1495 г.), одобрившего лишь предоставление наемных войск противникам Франции [46. S. 180].
- ⁷ Образование Венецианской священной лиги (1495 г.) стало полной неожиданностью для Карла VIII, который был вынужден срочно покинуть Неаполь и двинуться на Север, боясь оказаться «отрезанным» от Франции. Между его войском и военными силами Лиги состоялась битва при Форново (4.07.1495), в результате которой французы покинули Италию. Однако для государств – членов Лиги успех данного сражения обозначил их основные противоречия, что привело к ее распаду в том же году (это было оформлено в 1498 г.).
- ⁸ Пиза вышла из состава Флорентийской республики в самом начале Итальянских войн, что привело к изгнанию из Флоренции сына Лоренцо Великолепного, Пьеро II Медичи (1492–1494), который за потерю Пизы получил прозвище Неудачник [9. С. 126–127].
- ⁹ Во Флоренции была свергнута власть фанатичного монаха – доминиканца Джироламо Савонаролы (1494–1498 гг.) – ревностного сторонника Франции, четырехлетнее правление которого закончилось его казнью и приходом к власти в республике приверженцев умеренно – сбалансированного внешнеполитического курса, на службе у которых и состоял Макиавелли.
- ¹⁰ Немецкий исследователь истории международных отношений М. Метциг, основываясь на анализе документации из канцелярии императора Максимилиана I, предполагает, что у Империи Габсбургов существовал некий план установления «надреспубликанского контроля» в Италии после ухода Карла VIII. Этот план мог быть основан на попытке столкнуть интересы Флоренции и Венеции – крупнейших итальянских республик – в борьбе за Пизу, попеременно выступая на каждой из сторон противостояния [46. S. 60, 88]. Насколько этот план мог соответствовать реалиям начального периода войн на Апеннинах, судить довольно сложно.
- ¹¹ Макиавелли пишет о развитии конфликта Венеции и Флоренции: «...венецианец с теми силами людей, которых он собрал в Пизе, двинул свой штандарт против нас» [3. Р. 1053], и его завершении, на которое Флоренция не повлияла. Ключевым фактором «отхождения» Венеции от «пизанского вопроса» стала необходимость противостоять туркам на морских границах: «Но поскольку турок уперся в них копьём, их одолел такой страх, что их весы заскрипели. Что побудило их заключить с нами мир и в великом смятении оставить Пизу» [3. Р. 1053].
- ¹² Камбрейская лига, «вдохновленная» папой Юлием II, объединила Францию, Испанию, Империю и папство против Венеции (республики Св. Марка). Войны Камбрейской лиги продолжались с 1509 г. по декабрь 1516 г., хотя сама Лига распалась еще в 1510 г. В дальнейшем альянс Юлия II с Венецией привел к образованию антифранцузской Священной лиги (1511 г.).
- ¹³ Макиавелли, упоминая Францию, приводит здесь старинный символ французской монархии – геральдические лилии, закрепленные в качестве официального королевского герба при Карле VII Валуа (1422–1461 гг.).
- ¹⁴ Дж. Инглесе указывает на письмо Баттисты делла Палла к Макиавелли (апрель 1520 г.), в котором сообщается о том, что папа дал разрешение поставить «Мандрагору» на двух карнавалах: флорентийском и римском [49. Р. 136]. Очевидно, если бы Лев X усмотрел в образе Тимотео (согласного за вознаграждение умертвить младенца, а также внушить Лукреции правильность идеи ее супруга об измене) намеки на деятелей современной ему католической церкви, то Макиавелли оказался бы далек от возможности прижизненной постановки комедии.
- ¹⁵ Образование антифранцузской Священной лиги (1511 г.) и переход на ее сторону императора Максимилиана I вынудили французов после битвы при Равенне (11.04.1512), победа в которой стоила им огромных потерь, покинуть Милан. Папа Юлий II разрешил испано-швейцарским войскам захватить Флоренцию, взять с нее контрибуцию и восстановить власть Медичи (1512–1527 гг.). В 1515 г. в Италию отправился преемник Людовика XII Франциск I, который отвоевал Миланское герцогство в битве при Мариньяно (14.09.1515). Усиление Испании после 1519 г. (испанский король был избран императором под именем Карла V) привело к ухудшению положения Франции. Выступление Франциска I против Карла V закончилось разгромом французов в битве при Павии (24.02.1525), пленением короля и временным отказом Франции от притязаний на Италию (Мадридский договор, 1526 г.).
- ¹⁶ Создание антииспанской Коньянской лиги (1526 г.) означало продолжение военных действий. Ключевым событием Войны Коньянской лиги стал захват Рима войсками Карла V («Римский мешок». 6.05.1527), в ходе которого были разрушены памятники архитектуры, четыре тысячи горожан – убиты. По миру, заключенному в Камбре (в августе 1529 г.), Франциск I отказывался от всех территориальных претензий на Италию (за ним оставался лишь Пьемонт), а Карл V получал титул короля Италии и Неаполитанское королевство (1530 г.). Поражением закончилась и героическая борьба Флорентийской республики (1527–1531 гг.), вновь изгнавшей Медичи, против испанцев: 10-месячная осада города испанцами (1529–1530 гг.) завершилась взятием города и возвращением Медичи, республика стала герцогством (июль 1531 г.).
- ¹⁷ По условиям мира в Като – Камбрези (1559 г.), положившего конец Итальянским войнам, Испания получила две трети территории Апеннин: Милан и Неаполь с Сицилией и Сардинией. Франция – лишь часть верхней Лотарингии. Формально самостоятельность сохраняли: Флорентийское герцогство, Венецианская республика, Папское государство, Савойское герцогство и Генуэзская республика с Корсикой, а также небольшие итальянские государства.

Список источников

1. Дживелегов А.К. Гуманизм и театр // Итальянская комедия Возрождения / сост. Н.Томашевский. М. : Худож. лит., 1999. С. 7–18.
2. Дмитриева М.И. Между традицией и новациями: образ Флоренции в городской литературе Тренто // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 55. С. 164–176. doi: 10.17223/19986645/55/11

3. Machiavelli N. Decennali // Machiavelli N. Opere / A cura di M. Bonfantini. Milano-Napoli: Riccardo Ricciardi Editore, 1954. P. 1047–1072.
4. Machiavelli N. La Mandragola // Machiavelli N. Opere / A cura di M. Bonfantini. Milano-Napoli: Riccardo Ricciardi Editore, 1954. P. 983–1034.
5. Макиавелли Н. Мандрагора // Итальянская комедия Возрождения / пер. Н.Б. Томашевского. М.: Худож. лит., 1999. С. 97–144.
6. Machiavelli N. La Clizia // Machiavelli N. Tutte le opera / a cura di M. Martelli. Sansoni, Firenze 1971. P. 891–913.
7. Макиавелли Н. Клиция // Итальянская комедия Возрождения / пер. Н.Б. Томашевского. М.: Худож. лит., 1999. С. 147–190.
8. Machiavelli N. Legazioni. Commissarie. Scritti di governo. In 4 vols / a cura di F. Chiapelli. Bari: Laterza, 1971–1985. Vol. 1. 739 p.; Vol. 2. 656 p.; Vol. 3. 662 p.; Vol. 4. 466 p.
9. Павлов К.В. Империя Габсбургов глазами флорентинцев эпохи Итальянских войн (на примере сочинений Никколо Макиавелли и Франческо Веттори по итогам дипломатической миссии 1507–1508 гг.) // Архонт. 2022. № 5(32). С. 124–135.
10. Guicciardini F. Considerazioni sui «Discorsi» del Machiavelli // Opere di Francesco Guicciardini / a cura di E. Scarano. Vol. 1. Torino: UTET, 1970. P. 605–678.
11. Юсим М.А. Франческо Гвиччардини – историк Итальянских войн // Гвиччардини Ф. История Италии: в 2 т. Т. 2 / пер. с итал. и подготовка издания М.А. Юсима. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2019. С. 579–640.
12. Bartoli C. Discorsi storici universali, di Cosimo Bartoli gentilhuomo, et accademico Fiorentino. In Venetia, appresso Francesco de Franceschi senese, 1569 [Оцифровка рукописи] // Internet Archive: collection: European Libraries. URL: https://ia601203.us.archive.org/3/items/bub_gb_Rdy8kAjxNY0C/bub_gb_Rdy8kAjxNY0C.pdf (дата обращения: 13.08.2016).
13. Botero G. Della Ragion di Stato // Opere di Giovanni Botero / a cura di L. Firpo. Torino: UTET, 1948. P. 51–342.
14. Montanari G. La Zecca in consulto di stato del dottor Geminiano Montanari // Economisti del Cinque e Seicento / a cura di A. Graziani. Bari: Laterza, 1913. P. 237–379.
15. Фридрих Великий. Анти-Макиавелли, или Опыт возражения на Макиавеллиеву науку об образе государственного правления // Книга Государя. СПб.: Амфора, 2004. С. 290–416.
16. De Sanctis F. Storia della letteratura italiana. Vol. 2. Napoli: Presso Domenico & Antonio Morano, 1870. 504 p.
17. Phillimore C.M. Studies in Italian Literature Classical and Modern. London: S. Low, Marston, Searle & Rivington, 1891. 348 p.
18. Garnett R.A. History of Italian Literature. London: William Heinemann, 1898. 460 p.
19. Sapegno N. Compendio di storia della letteratura italiana. Vol. II: Cinquecento, Seicento, Settecento. Firenze: La Nuova Italia, 1965. 538 p.
20. Strauss L. Machiavelli and Classical Literature // Review of National Literatures. 1970. P. 7–25.
21. Petronio G. La letteratura italiana. II. La civiltà della corte. Milano: Arnoldo Mondadori Editore, 1995. 224 p.
22. Макиавелли Н. Сочинения. Т. 1 / под ред. А. К. Дживелегова. М.; Л.: Academia, 1934. 508 с.
23. Рутенбург В.И. Титаны Возрождения. Л.: Наука, 1976. 144 с.
24. Макиавелли Н. История Флоренции / пер. Н.Я. Рыковой; общ. ред., послесл. и ком. В.И. Рутенбурга. М.: Наука, 1987. 446 с.
25. Шишмарев В.Ф. Очерк истории итальянского языка // Избранные статьи. История итальянской литературы и итальянского языка. Л.: Наука, 1972. С. 36–181.
26. Долгов К.М. Гуманизм, Возрождение и политическая философия Никколо Макиавелли // Никколо Макиавелли. Избранные сочинения / пер. с ит.; вступ. ст. К. Долгова; сост. Р. Хлодовского; ком. М. Андреева, Р. Хлодовского. М.: Худож. лит., 1982. С. 3–128.
27. Юсим М.А. Этика Макиавелли. М.: Наука, 1990. 153 с.
28. Richardson B. The Cinquecento Prose // The Cambridge History of Italian Literature / Ed. by P. Brand & L. Pertile. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 181–232.
29. Bruscagli R. Niccolò Machiavelli // Letteratura italiana. 1. Dalle origini al Seicento / a cura di A. Battistini. Bologna: Società editrice il Mulino, 2014. P. 317–332.
30. Муратов П.П. Образы Италии. М.: Изд-во АСТ, 2019. 800 с.
31. Bloch M. Les rois Thaumaturges: Etude sur le caractère surnaturel attribué à la puissance royale particulièrement en France et en Angleterre. Paris/Strasbourg: Istra / London: Oxford University Press, 1924. 542 p.
32. Kantorowicz E.H. The King's Two Bodies: A Study in Mediaeval Political Theology. Princeton: Princeton University Press, 1957. 568 p.
33. Janson H.W. The Image of Man in Renaissance Art: From Donatello to Michelangelo // The Renaissance Image of Man and the World / Ed. by B.O'Kelly. Columbus: Ohio State University Press, 1966. P. 77–103.
34. Edgerton S.Y. Pictures and Punishment. Art and Criminal Prosecution during the Florentine Renaissance. Ithaca; London: Cornell University Press, 1985. 248 p.
35. Barzman K. The View of Venice in a Genealogy of City Views and Government Mapping // A View of Venice: Portrait of a Renaissance City / ed. by K. Love Huffman. Durham; London: Duke University Press, 2024. P. 26–39.
36. O'Connell M. Vessels of Political Communication // A View of Venice: Portrait of a Renaissance City / ed. by K. Love Huffman. Durham; London: Duke University Press, 2024. P. 86–95.
37. Goy R. Toward the Perfect City. Urban Development in the Quattrocento // A View of Venice: Portrait of a Renaissance City / ed. by K. Love Huffman. Durham; London: Duke University Press, 2024. P. 163–175.
38. Nevola F. Siena: Constructing the Renaissance City. Yale: Yale UP, 2007. 303 p.
39. Власть и образ: очерки постстарной имажологии / отв. ред. М.А. Бойцов, Ф.Б. Успенский. СПб.: Алетейя, 2010. 384 с.
40. Gaylard S. Hollow Men. Writing, Objects, and Public Image in Renaissance Italy. New York: Fordham University Press, 2013. 380 p.
41. Козлова А.А. Имагологический метод в исследованиях литературы и культуры // Обсерватория культуры. 2015. № 3. С. 114–118.
42. Bonfantini M. Sugli scritti di Machiavelli. Introduzione // Niccolò Machiavelli. Opere / a cura di M. Bonfantini. Milano–Napoli: Riccardo Ricciardi Editore, 1954. P. 7–37.
43. Inglese G. Contributo al testo critico dei «Decennali» di Niccolò Machiavelli // Annali dell'Istituto italiano per gli studi storici, 1983–1984. Vol. VIII. P. 115–173.
44. Guicciardini, Francesco. Storia d'Italia // Opere di Francesco Guicciardini / a cura di E. Scarano. Vol. 2–3. Torino: UTET, 1981. 1045 + 979 p.
45. Mallett M., Shaw C. The Italian Wars, 1494–1559: War, State and Society in Early Modern Europe. Routledge: Taylor & Francis Group, 2012. 391 p.
46. Metz G. Kommunikation und Konfrontation. Diplomatie und Gesandtschaftswesen Kaiser Maximilians I (1486–1519). Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2016. 463 s.
47. Каппони Н. Макиавелли / пер. с англ. А.Л. Уткина. М.: Вече, 2012. 372 с.
48. Andrews R. The Cinquecento Theatre // The Cambridge History of Italian Literature / ed. by P. Brand, L. Pertile. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 277–298.
49. Inglese G. Contributo al testo critico della Mandragola // Annali dell'Istituto italiano per gli studi storici. 1979–1980. Vol. VI. P. 129–173.
50. Najemy J. Papirius and the Chickens, or Machiavelli on the Necessity of Interpreting Religion // Journal of the History of Ideas. 1999. Vol. 60 (4). P. 659–681.
51. Mansfield H. The Cuckold in Machiavelli's Mandragola // The Comedy and Tragedy of Machiavelli: Essays on the Literary Works / ed. by V.B. Sullivan. Yale: Yale University Press, 2000. P. 1–30.
52. Бранка В. Боккаччо средневековый / пер. с ит. и ком. Н. Елиной, Е. Костюкович, С. Прокоповича, Г. Шейнмана. М.: Радуга, 1983. 399 с.
53. Kent F.W. Princely Citizen. Lorenzo de' Medici and Renaissance Florence / ed. by C. James. Turnhout: Brepols, 2013. 374 p.
54. Kovačević B., Simendić M.U. Makijavelijevoj Mandragoli // Politička misao. 2020. Vol. 57, Is. 3. P. 31–59.

References

1. Dzhivelegov, A.K. (1999) Gumanizm i teatr [Humanism and Theater]. In: Tomashevskiy, N. (ed.) *Ital'yanskaya komediya Vozrozhdeniya* [Italian Comedy of the Renaissance]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 7–18.
2. Dmitrieva, M.I. (2018) Between tradition and innovation: the image of Florence in the urban literature of the Trecento. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 55. pp. 164–176. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/55/11
3. Machiavelli, N. (1954) *Opere*. Milano-Napoli: Riccardo Ricciardi Editore. pp. 1047–1072.
4. Machiavelli, N. (1954) *Opere*. Milano-Napoli: Riccardo Ricciardi Editore. pp. 983–1034.
5. Machiavelli, N. (1999) Mandragora. In: *Ital'yanskaya komediya Vozrozhdeniya* [Italian Comedy of the Renaissance]. Translated from Italian by N.B. Tomashevskiy. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 97–144.
6. Machiavelli, N. (1971) *Tutte le opere*. Firenze: Sansoni. pp. 891–913.
7. Machiavelli, N. (1999) Klitsiya [Clizia]. In: *Ital'yanskaya komediya Vozrozhdeniya* [Italian Comedy of the Renaissance]. Translated from Italian by N.B. Tomashevskiy. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 147–190.
8. Machiavelli, N. (1971–1985) *Legazioni. Commissarie. Scritti di governo*. Vols 1–4. Bari: Laterza.
9. Pavlov, K.V. (2022) Imperiya Gabsburgov glazami florentintsev epokhi Ital'yanskikh voyn (na primere sochineniy Nikkolo Machiavelli i Franchesko Vettori po itogam diplomaticheskoy missii 1507–1508 gg.) [The Habsburg Empire through the eyes of the Florentines during the Italian Wars (based on the writings of Niccolò Machiavelli and Francesco Vettori following the diplomatic mission of 1507–1508)]. *Arkhot*. 5 (32). pp. 124–135.
10. Guicciardini, F. (1970) Considerazioni sui "Discorsi" del Machiavelli. In: Scarano, E. (ed.) *Opere di Francesco Guicciardini*. Vol. 1. Torino: UTET. pp. 605–678.
11. Yusim, M.A. (2019) Franchesko Gvichhardini – istorik Ital'yanskikh voyn [Francesco Guicciardini – Historian of the Italian Wars]. In: Gvichhardini, F. *Istoriya Italii* [History of Italy]. Translated from Italian by M.A. Yusim. Vol. 2. Moscow: Kanon+, ROOI "Reabilitatsiya". pp. 579–640.
12. Bartoli, C. (1569) *Discorsi historici universali, di Cosimo Bartoli gentiluomo, et accademico Fiorentino*. Venetia: Francesco de Franceschi senese. [Online] Available from: https://ia601203.us.archive.org/3/items/bub_gb_Rdy8kAjxNY0C/bub_gb_Rdy8kAjxNY0C.pdf (Accessed: 13.08.2016).
13. Botero, G. (1948) Della Ragion di Stato. In: Firpo, L. (ed.) *Opere di Giovanni Botero*. Torino: UTET. pp. 51–342.
14. Montanari, G. (1913) La Zecca in consulto di stato del dottor Geminiano Montanari. In: Graziani, A. (ed.) *Economisti del Cinque e Seicento*. Bari: Laterza. pp. 237–379.
15. Frederick the Great. (2004) *Anti-Machiavelli, ili Opyt vozrazheniya na Machiavellievu nauku ob obraze gosudarstvennogo pravlenniya* [Anti-Machiavel]. Saint Petersburg: Amfora.
16. De Sanctis, F. (1870) *Storia della letteratura italiana*. Vol. 2. Napoli: Presso Domenico & Antonio Morano.
17. Phillimore, C.M. (1891). *Studies in Italian Literature Classical and Modern*. London: S. Low, Marston, Searle & Rivington.
18. Garnett, R.A. (1898) *History of Italian Literature*. London: William Heinemann.
19. Sapegno, N. (1965) *Compendio di storia della letteratura italiana*. Vol. 2. Firenze: La Nuova Italia.
20. Strauss, L. (1970) Machiavelli and Classical Literature. *Review of National Literatures*. pp. 7–25.
21. Petronio, G. (1995) *La letteratura italiana. II. La civiltà della corte*. Milano: Arnoldo Mondadori Editore.
22. Machiavelli, N. (1934) *Sochineniya* [Works]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Academia.
23. Rutenburg, V.I. (1976) *Titany Vozrozhdeniya* [Titans of the Renaissance]. Leningrad: Nauka.
24. Machiavelli, N. (1987) *Istoriya Florentsii* [History of Florence]. Translated from Italian by N.Ya. Rykova. Moscow: Nauka.
25. Shishmarev, V.F. (1972) Ocherk istorii ital'yanskogo yazyka [Essay on the History of the Italian Language]. In: *Izbrannye stat'i. Istoriya ital'yanskoy literatury i ital'yanskogo yazyka* [Selected Articles. History of Italian Literature and the Italian Language]. Leningrad: Nauka. pp. 36–181.
26. Dolgov, K.M. (1982) Gumanizm, Vozrozhdenie i politicheskaya filosofiya Nikkolo Machiavelli [Humanism, the Renaissance, and the Political Philosophy of Niccolò Machiavelli]. In: Machiavelli, N. *Izbrannye sochineniya* [Selected Works]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 3–128.
27. Yusim, M.A. (1990) *Etika Machiavelli* [Machiavelli's Ethics]. Moscow: Nauka.
28. Richardson, B. (2008) The Cinquecento Prose. In: Brand, P. & Pertile, L. (eds) *The Cambridge History of Italian Literature*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 181–232.
29. Bruscagli, R. (2014) Niccolò Machiavelli. In: Battistini, A. (ed.) *Letteratura italiana. 1. Dalle origini al Seicento*. Bologna: Società editrice il Mulino. pp. 317–332.
30. Muratov, P.P. (2019) *Obrazy Italii* [Images of Italy]. Moscow: Izd-vo AST.
31. Bloch, M. (1924) *Les rois Thaumaturges: Etude sur le caractère surnaturel attribué à la puissance royale particulièrement en France et en Angleterre*. Paris/Strasbourg: Istra; London: Oxford University Press.
32. Kantorowicz, E.H. (1957) The King's Two Bodies: A Study. In: *Mediaeval Political Theology*. Princeton: Princeton University Press.
33. Janson, H.W. (1966) The Image of Man in Renaissance Art: From Donatello to Michelangelo. In: O'Kelly, B. (ed.) *The Renaissance Image of Man and the World*. Columbus: Ohio State University Press. pp. 77–103.
34. Edgerton, S.Y. (1985) *Pictures and Punishment. Art and Criminal Prosecution during the Florentine Renaissance*. Ithaca; London: Cornell University Press.
35. Barzman, K. (2024) The View of Venice in a Genealogy of City Views and Government Mapping. In: Love Huffman, K. (ed.) *A View of Venice: Portrait of a Renaissance City*. Durham; London: Duke University Press. pp. 26–39.
36. O'Connell, M. (2024) Vessels of Political Communication. In: Love Huffman, K. (ed.) *A View of Venice: Portrait of a Renaissance City*. Durham; London: Duke University Press. pp. 86–95.
37. Goy, R. (2024) Toward the perfect city. Urban development in the quattrocento. In: Love Huffman, K. (ed.) *A View of Venice: Portrait of a Renaissance City*. Durham; London: Duke University Press. pp. 163–175.
38. Nevola, F. (2007) *Siena: Constructing the Renaissance City*. Yale: Yale UP.
39. Boytsov, M.A., & Uspenskiy, F.B. (eds) (2010) *Vlast' i obraz: ocherki potestarnoy imagologii* [Power and Image: Essays on Potestarian Imagology]. Saint Petersburg: Aleteyya.
40. Gaylard, S. (2013) *Hollow Men. Writing, Objects, and Public Image in Renaissance Italy*. New York: Fordham University Press.
41. Kozlova, A.A. (2015) Imagologicheskii metod v issledovaniyakh literatury i kul'tury [Imagological Method in Literary and Cultural Studies]. *Observatoriya kul'tury*. 3. pp. 114–118.
42. Bonfantini, M. (1954) Sugli scritti di Machiavelli. Introduzione. In: Machiavelli, N. *Opere*. Milano–Napoli: Riccardo Ricciardi Editore. pp. 7–37.
43. Inglese, G. (1983–1984) Contributo al testo critico dei "Decennali" di Niccolò Machiavelli. *Annali dell'Istituto italiano per gli studi storici*. 8. pp. 115–173.
44. Guicciardini, F. (1981) Storia d'Italia. In: Scarano, E. (ed.) *Opere di Francesco Guicciardini*. Vols 2–3. Torino: UTET.
45. Mallett, M., & Shaw, C. (2012) *The Italian Wars, 1494–1559: War, State and Society in Early Modern Europe*. Routledge: Taylor & Francis Group.

46. Metzger, G. (2016) *Kommunikation und Konfrontation. Diplomatie und Gesandtschaftswesen Kaiser Maximilians I (1486–1519)*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH.
47. Kapponi, N. (2012) *Machiavelli* [Machiavelli]. Translated from Italian by A.L. Utkin. Moscow: Veche.
48. Andrews, R. (2008) The Cinquecento Theatre. In: Brand, P. & Pertile, L. (eds) *The Cambridge History of Italian Literature*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 277–298.
49. Inglese, G. (1979–1980) Contributo al testo critico della Mandragola. *Annali dell'Istituto italiano per gli studi storici*. 6. pp. 129–173.
50. Najemy, J. (1999) Papirius and the chickens, or Machiavelli on the necessity of interpreting religion. *Journal of the History of Ideas*. 4 (60). pp. 659–681.
51. Mansfield, H. (2000) The Cuckold in Machiavelli's Mandragola. In: Sullivan, V.B. (ed.) *The Comedy and Tragedy of Machiavelli: Essays on the Literary Works*. Yale: Yale University Press. pp. 1–30.
52. Branka, V. (1983) *Bokkachcho srednevekovyy* [Medieval Boccaccio]. Translated from Italian. Moscow: Raduga.
53. Kent, F.W. (2013) *Princely Citizen. Lorenzo de' Medici and Renaissance Florence*. Turnhout: Brepols.
54. Kovačević, B. & Simendić, M.U. (2020) Makijavelijevoj Mandragoli. *Politička misao*. 3 (57). pp. 31–59.

Информация об авторах:

Дмитриева М.И. – канд. ист. наук, доцент кафедры истории Средних веков Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: m.dmitrieva@spbu.ru

Павлов К.В. – аспирант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: st055536@student.spbu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.I. Dmitrieva, Cand. Sci. (History), associate professor, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: m.dmitrieva@spbu.ru

K.V. Pavlov, postgraduate student, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: st055536@student.spbu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.07.2024;
одобрена после рецензирования 01.12.2024; принята к публикации 31.01.2025.

The article was submitted 11.07.2024;
approved after reviewing 01.12.2024; accepted for publication 31.01.2025.